

АЛЕКСАНДР ЛАВРЕНТЬЕВ

ИВАΞ
УС

ЧВУ
ЛИКИЙ

16+

Александр Лаврентьев Иванус Двуликий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63687882

SelfPub; 2021

Аннотация

Вот и бери в дом беспризорных собак! Иван, приютивший болонку, обнаруживает, что его лохматый друг умеет не только разговаривать или читать мысли – он не совсем собака, а, точнее – вовсе не собака. Иван выбран не случайно, он – Двуликий, обладатель второго лица, это даёт способность не только перемещаться по времени, но и навестить параллельный мир, время в котором течёт в противоположном направлении. Зачем? Необходимо отыскать на одной из копий Земли артефакт, Бездонную Дырку, которая кому-то срочно понадобилась. Всего-то дел – спасти родную планету и остановить Конец Света!

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	11
Глава 3.	17
Глава 4.	23
Глава 5.	30
Глава 6.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Лаврентьев

Иванус Двуликий

Глава 1.

Осень в Москве принято хвалить – какое замечательное время года! Происходит это из-за сравнения с прошедшим летом, которое было отвратительно душным, и ещё не наступившей зимой, что обещает быть аномально холодной. Нет в осени ничего замечательного – с утра на улице стоит слякотный октябрьский день, моросит мелко и противно, хоть наружу не выбирайся: в такую погоду недобрый хозяин даже злую собаку на улицу не выгонит. Наверное, поэтому я замечаю его сразу: пёсик одиноко сидит под одной из тумб университетской ограды, увенчанной медным глобусом. Собственно, таких глобусов два, они попарно обозначают бывший каретный въезд, которым лет сто, по причине всеобщей автомобилизации, не пользуются. Глобусы те старинные, из позеленевшей меди и исключительно декоративные, а потому совершенно бесполезные. Впрочем, любой глобус совершенно бесполезен: покажите мне капитана, который станет прокладывать курс корабля по глобусу!

Пёс внимательно оглядывает выходящих из здания, словно кого-то ищет: что, дружок – потерялся? Впрочем, если

судить по его затрапезной внешности, беспризорник он давнишний: по уши грязный, по живот промокший и наверняка не кормленный. Сквозь пряди когда-то белоснежной, а теперь бурой и свалявшейся шерсти сверкают глаза-бусинки, в полуоткрытой пасти видны мелкие клыки и розовый язык. Своей породой пёсик больше всего смахивает на болонку, хотя на это тему можно поспорить: одно ухо у него чёрное, видать, бабка согрешила с соседским фокстерьером. Только спорить не с кем.

Наши взгляды встречаются. Пёс пристально смотрит на меня оценивающим взором, слегка наклонив голову и высунув язык. Прости, но мне своих хлопот хватает и нет ни малейшего дела до бесприютных собак; избегая собачьего взгляда, я накидываю капюшон на голову и двигаюсь вверх по Маховой. Дождь, прежде бывший набором отдельных капель, усиливается, тем подтверждая мой прежний тезис о московской осени. Из-за плотного потока машин над улицей висит низкий смог, на перекрёстке повернувшая авто обдаёт меня струёй воды. Я мысленно отвечаю ей неприличными словами и поднимаю вверх руку со средним пальцем: и тебе хорошей дороги!

Та же самая собака попадаетея мне на глаза у входа в подземку – чумазая болонка, левое ухо чёрное. Она сидит на парапете с названием станции – самая лучшая позиция для наблюдения. Из промокшей толпы она выбирает именно меня: я чувствую на себе тот же пристальный взгляд. Стараясь не

обращать на собаку внимания, спускаюсь по ступеням: отвали, приятель! В поезде про настырного пса я быстро забываю, погрузившись в дебри какого-то новомодного романа из жизни говорящих чаек – впрочем, стройные ножки девушки, сидящей напротив, мне нравятся больше. «Следующая станция – Новая Слобода!» На выходе дождя нет, пса – тоже. Под аркой, у чугунных ворот, ведущих во двор, я встречаю Равиля, нашего дворника. На нём длинный, до пят дождевик – есть дождь или нет, он всегда одет именно так. Он возится с замком дворовой калитки:

– Привет работникам метлы и лопаты!

Мои руки заняты пакетами, через плечо – сумка с парой бутылок. Равиль любезно помогает мне протиснуться в калитку. Я предупреждаю его, что жду гостей, и что их будет много: всех впускать, никого трезвым не выпускать.

На ступенях подъезда я вижу пса. Могу поклясться, это тот же самый блондин с чёрным ухом, что находился у университета и у входа в подземку! Теперь этот пострел встречает меня во дворе, терпеливо сидит на ступеньках у входной двери, явно дожидаясь именно меня: привет, как давно мы не виделись! Вопрос, как он сумел столь быстро переместиться из одного места в другое и обманул бдительность нашего дворника, смутно всплывает у меня в мозгу, и, не найдя решения, теряется среди остальных, не менее мудрых мыслей.

Пёс занял стратегически верную диспозицию, при этом он

пытается подлизываться и дружелюбно машет хвостом, явно набиваясь в гости. Он расположился у края двери, не обойдёшь, не объедешь: как только я её открою, он прошмыгнёт в парадное – лови его потом, изгадит ведь весь подъезд, паршивец. No pasaran! – приоткрываю дверь щёлочкой, не давая нахалу протиснуться внутрь – нам, барам, только беглых холопов не хватало! Вообще-то я не против помощи бездомным, пусть они даже собаки. Ну, там монастырские приюты, ночлежки разные, обеды бесплатные, на паперти милостыню нищему у церкви подать: на днях дал попрошайке целых четыре целковых. Прямо из кармана выгреб половину, и всё отдал. Третий день как пошёл, а мне до сих пор не жалко: я – сама щедрость.

Не успеваю отпереть дверь в квартиру, как дребезжит телефон, в трубке – голос Джона: «Привет-привет! Что ещё нужно из еды и выпивки? кажется, ничего – себя не забудь! Запомнил, какой у тебя номер квартиры? Ага, тогда до скорого!» Ещё звонок, теперь трезвонят в дверь, на пороге первые гости, по случаю праздника на них соответствующие наряды – на одном маска зомби, второй – клоун в армейском противогазе, кто из них страшней – не ясно. Под нарядами университетские одноклассники. Ржём. Ещё звонок, ещё один приятель, без маскарадных атрибутов, но с двумя незнакомыми дамами: привет-привет! Всю складчину на кухню, бутылки – мне. На плите кипит кастрюля с картошкой, строгается салат, монтируются бутерброды. По мере

прибытия новых гостей на подоконнике выстраивается бутылочная батарея: шампанское от вдовы Клико, пара бутылок Смирновской, ещё три – с вином разнообразных оттенков, упаковка пива. Да, вечеринка намечается серьёзная. «Если раньше бухать не пробовал, может оно и не стоит?» – мысль, конечно, здравая, только слишком быстро она меня покидает: из прихожей раздаётся ещё один звонок. Это Джон с малознакомым парнем из университета, с ними две дамы. Одна Даша, подружка Джона, вторую, блондинку в красном платье, я не знаю. Знакомимся: «Иван – Катя». От разговоров становится шумно, для подъёма настроения включаю музыку, для начала кто-нибудь консервативное, из тётушкиного джаза. «К столу, люди и джентльмены!» Ещё звонок, ещё парочка в костюмах скелетов, я их не знаю: чем больше народу, тем веселее!

Наконец, все за столом. Зажигаем свечи, сумерки – лучший друг молодёжи, из кухни появляется зубастая тыква с дырками-треугольниками и со свечой внутри. Пробка от шампанского рикошетит от люстры в потолок и исчезает где-то за спинкой дивана. Все жуют и разговаривают одновременно, кто-то пытается произнести тост за викторию дня всех святых во всём мире, его шумно перебивают и предлагают напиток без повода. Мы так и делаем. От моей осенней хандры не остаётся и следа, тепло от выпитой водки догоняет шампанское и разбегается по всему организму, к мозгам от желудка, – моя голова от этого не умнеет, зато становится

весело. Стол в сторону, танцуют все! Хватит святым маршировать – ставлю диск с ритмичным и громким, соседи – терпите, у нас тут танцы-шманцы. Мы скачем и прыгаем, кто во что горазд, и машем руками. Следующая мелодия – вполне себе сентиментально-страстная, я приглашаю на танго блондинку, у неё тонкая талия и вспотевшая от танцев спина.

Каким-то образом мы перемещаемся на кухню. Я рассказываю про то, как прошлым летом кампанией автостопом ездили в Петроград и почему это было так смешно. Я – само остроумие. Сквозь громкую музыку мне слышится собачий лай. Я испытываю головокружение от распирающих меня чувств, путая воздействие алкоголя с эмоциями. Блондинка раздваивается, та, что слева, нравится мне больше, в дальнейшем я пытаюсь общаться именно с ней: ну и что, что мы только сегодня познакомились? Дорогая, я готов вам предложить руку и сердце! Станьте моей женой! Ну, хотя бы до утра! Я перехожу от рассуждений к действиям и пытаюсь поцеловать свою избранницу. Это оказывается непоправимой ошибкой для моего нетрезвого организма. Нет, мне страстно отвечают, вот только от поцелуя взасос мне становится дурно: «Мадемуазель, я дико извиняюсь». В ванной я застаю целующуюся парочку. Перемещаюсь в ватерклозет, в коридоре спотыкаюсь о собаку, едва не падаю. Ну, всё – сейчас с унитазом сыграю в тигра. Рычу на белый фаянс, становится легче. А повторить? Р-р-р! Понимаю, что с самого утра ничего не ел, а если что и съел – всё зря. И опять – Р-р-р!

Я пуст, как бумажник банкрота. Не раскачивайте коридор! Прекратите! я иду в свою комнату, придерживаясь за стену. Цель моей никчёмной жизни – кушетка, и главное здесь – не промахнуться. Никакого! Никакого смысла снимать одежду, если утром всё равно одеваться – сколько усилий человечество тратит попусту. Какое-то время горизонтальное положение тела мне кажется предпочтительней вертикального. Это – наивная иллюзия, если лежать на спине, потолок и стены кружатся, наподобие грампластинки, но звук отсутствует. Оркестр, музыку! Сыграйте мне реквием! Прощайте все, я умираю! Прощайте, люди, иногда я любил вас! Некоторые из вас мне даже нравились! Хотя и не все. Если повернуться на бок, может в моей жизни что-то изменится к лучшему? Совершаю над собой последнее и решительное усилие, у меня в изголовье сидит черноокая болонка, и она говорит сердитым голосом тётушки:

– Ну что, Ванька, надрался, как поросё?

Глава 2.

Я точно знаю, какое наследие я оставлю своим потомкам – первая строчкой моего завещания будет такой: «Никогда! Никогда не пейте портвейн после водки!»

– Бэрримор, позвоните моему адвокату.

Впрочем, насчёт того, будут ли у меня потомки, я не уверен: я снова умираю – видимо, то, что я недоделал вчера, перенеслось на сегодня. Никогда не делай вчера то, что можно вообще не делать. Просыпаться было самой большой ошибкой, которую я совершал в своей жизни. Простите меня за всё, что я не успел по жизни накуролесить!

Впрочем, прощаться рано – если мне так дурно, значит я ещё жив. Я собираю в кулак остатки воли. Сажусь, где я? Это точно моя комната? Там, вдали, за линией горизонта, в одном из кухонных шкафчиков был аспирин. Встаю, бреду на кухню. Я – моряк, вернувшийся на сушу после кругосветного плавания: верните мой глобус! Наш курс – норд-норд-ост! От вчерашних возлияний меня сильно штормит, но держать нужное направление уже получается. Я огибаю Африку: в голове раздаётся рокочущий звук туземных там-тамов, из-за этого она собирается треснуть и развалиться. У меня во рту – Сахара, через которую прошло стадо верблюдов с расстроенными желудками. Варвары, чем вы кормите животных? Из-за того, что раковина под завязку завалена

грязной посудой, до крана с водой мне не добраться. Воды! Воды! Ещё немного – и я скончаюсь, если не от жажды, то от головной боли. На подоконнике обнаруживаю стеклянную банку с мутно-зелёной жидкостью, запиваю таблетку рассолом прямо из неё, в банке плавает забытый и одинокий огурец. Мы с ним братья, я такой-же как он – зелёный и весь в пупырышках.

Слух и обоняние частично восстанавливаются. Зрение – тоже, потому что краем глаза замечаю, что в тётушкином кресле кто-то сидит. Какого чёрта?

Собака!

Откуда взялась собака? Со вчерашней вечеринки? Если вчера была вечеринка, то кто на ней был и чья это собака? Так, Джон с Дашкой, блондинка – надо вспомнить, как зовут и что я ей вчера обещал, Фёдор с приятелем, с ними две девицы, Борис с Полиной, ещё кто? Среди них была собака? Не помню – кажется, собака всё-таки была. Или это был кто-то в костюме собаки? Блондинка? Что я вчера нёс... Боже, как неудобно! Собака нахально мне подмигивает и убегает в комнату, я машинально иду следом. Кругом пустыня: ау, люди! В тётушкиной спальне никого нет, покрывало на кровати смято, на люстре висят женские трусики. На полу гостиной – о, ужас! разбросаны виниловые диски и битые тарелки; стол в объедках и грязной посуде. стакан с водой, он полный. Начинаю пить и понимаю, что это не вода – Господь Всемогуший, это водка! И я не в силах остановится, если я

это сделаю, меня немедленно вырвет. Поэтому допиваю до конца.

Мне худо! Надо-же было так вчера надраться! Идиот! Если раньше в рот этой отравы не брал, зачем было начинать? В квартире пусто, ни вчерашних гостей, ни собаки. Как она сюда вообще попала? Наверное, прошмыгнула с кем-то из гостей. Где она? Ау, Шарик! Пёсика негде нет. Может и не было. Собака – это галлюцинация, горячечный бред – вот они, первые симптомы алкоголизма! Всё, у меня белая горячка, прошу не беспокоить! Шатаюсь, добираюсь до кушетки. Я виноват во всём. Это я сжёг Москву в двенадцатом году. Это я не чистил зубы по утрам и забывал поливать цветы. Это я напал на Польшу и начал новую Мировую. Нет, это точно не я! Это не я, это всё Джон! Это он всё задумал: что, у тебя тётка сейчас за городом сейчас живёт? И квартира пустая? Ты что, старик! Это же какие упущенные возможности, а жизнь проходит мимо. Давай праздник закатим, я тебя с такими бурёнками познакомлю. Душа желает веселья! Да здравствует праздник! Даёшь Хэллоуин! Вина и женщин!

Всё, с меня довольно, протрезвею – уйду в монастырь.

Падаю физиономией в подушку и мгновенно проваливаюсь в темноту. Из алкогольного царства бездны и мрака в похмельную реальность меня возвращает телефонный звонок, его зуммер назойливо дребезжит: ненавижу телефоны! У меня есть только два выхода – или обрезать провод, или снять трубку. Встаю, ищу нож, его нигде не вижу, поэтому

бреду к аппарату. Снимаю трубку, в ней тишина – какая подлость! Негодяи, почему вы вешаете трубку именно в тот момент, когда вам собираются ответить?! Да как они смеют! За окном темень, это половина седьмого утра или седьмого вечера? А есть разница? Голова хоть и не соображает, зато почти прошла. Состояние получше, появился аппетит, я зверски хочу есть, будем считать это синдромом выздоровления. Иду на кухню. Холодильник девственно пуст, однако на нижней полке за пустым молочным пакетом нахожу полдюжины чудом уцелевших сарделек. Ставлю воду, сажусь за кухонный стол. И чуть не падаю на пол, потому что тот же самый пёс восседает в тётушкином кресле.

На этот раз он не убегает. Решаю проверить, не галлюцинация-ли это. Я протягиваю к псу указательный палец, он его обнюхивает и показывает мне язык. Касаюсь его носа, он холодный и влажный. Пёс настоящий. Он зевает, обнажая розовую пасть, полную мелких зубов, шумно спрыгивает с кресла и направляется в гостиную. Мне ничего не остаётся, как пойти следом. Пёсик звонко шлёпает лапами, оставляя грязные следы на паркете, видать, вляпался во что-то клейкое. Плевать, мне всё равно предстоит эту конюшню вычищать – тётушка через десять дней возвращается с дачи, придётся делать генеральную уборку. И объяснить, откуда в её квартире взялась болонка. Что-то она скажет?

Пёс приносит мне мячик – мы что, в футбол будем играть? Бросаю мяч к балконной двери, у нас там будут ворота, ко-

мандую: «Лови!», пёс на лету его перехватывает, ловко ухватив клыками и приносит ко мне. Замечательно! Собачка понимает команды. Главное в команде, как объяснял мне Николаша, мой питерский кузен и гвардии поручик – правильно поставленный командирский голос и внезапность. Чтобы младший по званию не успел опомниться. Так и делаю, на мой полный властного тона голос: «Сидеть!» собака реагирует чётким его выполнением – так точно, Ваше Благородие!

Получилось!

Это означает одно: что пёс не уличный.

Мне становится его жалко – потерялся или, хуже того, брошен прежними хозяевами. Бедняга! Нашкодил небось, грохнул любимую чашку хозяйки – вот и выперли взашей. Из тёплого дома – да на осеннюю улицу, в дождь, да к недобрым уличным псам: те не то, чтобы куском поделаться – сами сожрут. Что, дружок, тебе тоже не повезло в жизни? Если-бы владел переводом с русского на собачий, непременно-бы спросил: собака – друг человека?

Однако, если вы перелезли через забор, прежде не увидев таблички «Осторожно, злая собака!», то предыдущий тезис «Собака – друг человека» может не сработать. Следуя этой безупречной логике, я принимаю решение оставить болонку до возвращения тётушки. Оглашаю решение трибунала: собаку оставить дома! Если так – пёсика следует обустроить. Кажется, собакам нужна конура? Ну, это если держать её во дворе – такой вариант припоздал, надо было раньше ду-

мать, прежде чем дверь открывали. Тогда следует подумать о подстилке. Из кладовки извлекаю коврик, который раньше обитал в ванной – у нашей кухарки, Прасковьи Никаноровны имеется замечательная привычка ничего не выбрасывать. Командую «Место!»

Пёсик смотрит на меня так, словно видит впервые: «Кто вы, сударь? Разве мы имели честь быть друг другу представлены? Je ne me souviens pas!¹» Пёс отправляется в мою комнату и нагло укладывается на кушетку – то место, где я, вообще-то, обычно сплю. Понимаю, месье: предложенная подстилка вас не устраивает, зато меня сгоняют оттуда, где я привык проводить большую часть времени. Не выйдет! Перекладываю собаку на кресло и фиксирую её местоположение новой командой: «Лежать! Место!»

– Тётушка, – обрадую Полину Петровну по возвращении, – я женился!

– Караул! Какой ужас!

– Шучу! Я завёл себе собачку!

– Ты своими шуточками, – чмок меня в лобик, – в гроб свою тётку загонишь!

¹ – Не помню (франц.)

Глава 3.

Моя комната выглядит так, словно в ней провели обыск соперничающие друг с другом спецслужбы, но то, что искали, всё равно не нашли; поэтому, чтобы замести следы, запустили в неё стадо одичавших собак. Разгром выглядит весьма живописно, и, если добавить дыма на горизонте, вполне сойдёт за батальное полотно «Наполеон на поле битвы при Прейсиш-Эйлау». Правда, разбитые орудийные лафеты трофейной службой, уже убраны, зато дверцы полотняного шкафа распахнуты настежь, а его содержимое равномерно раскидано по комнате. Моя гитара валяется на ковре, а антикварная этажерка, купленная тётушкой на аукционе, опрокинута. Вывалившиеся из неё книги разбросаны по всей комнате, некоторые букинистические редкости варварски растрёпаны, отдельные листы смяты и вырваны. Я по-настоящему рад, что тётушка всё-ещё не вернулась с дачи и, по счастью, не видит последствий столкновения дирижабля «Гинденбург» с «Титаником».

Кто учинил бойню – догадаться нетрудно, сложнее два на два умножить: впервые встречаю собаку с таким интересом к беллетристике. Отпечатки лап злоумышленника повсюду, что явственно и однозначно указывает на единственного подозреваемого. Я приступаю к планомерному его розыску, последовательно проверяя заповедные закутки и кладовки, не

забывая заглядывать под кресла, кровати и диваны. Оказывается, это лишнее: никто прятаться не собирался – пёсик царственно сидит в тётушкином любимом кресле на кухне. Я – Аларих посреди разорённого вестготами Рима, отблески догорающего Капитолия мерцают в моих тёмных очах. На колени, нечестивый раб!

Это даже для меня чересчур: я тебе покажу, кто из нас раб! Подумать только – я купил этому обормоту ошейник и поводок! Неспешно распаковываю свёрток с подарками: поводок вполне годится как инструмент для того, чтобы привить некоторым подлинную любовь к литературе. Он у меня осознает, что чтение хороших книг – это как разговор с самыми лучшими людьми прошедших времен, и притом такой разговор, когда они сообщают нам только лучшие свои мысли. И я тебя с ними сейчас познакомлю! Ты поймёшь, хулиган лохматый, что самым лучшим, что в тебе скоро появится, ты обязан не только книгам!

Аларих превращается из победоносного короля вестготов в провинившуюся болонку и ретируется за Дунай, расположенный где-то под ванной. Из-под неё на меня смотря пара глаз, полных мольбы и раскаяния: «Милости и прощения! Мир так жесток и несправедлив, полон скорби и отчаянья. Забудем обиды и тщетные стремления. Не будем так суровы, помиримся и простим друг друга». От жалости я готов разрыдаться. Поводок выпадает из моих рук, хитрый пёсик мгновенно замечает физиономические перемены, теперь вы-

ражение его мордочки означает: «А что я сделал такого? Подумаешь, немножко пошалил. Ты сам виноват, бросил меня одного. Мне было одиноко, совсем-совсем. Поиграем-а? Ещё что-нибудь опрокинем! Всё свалим, а то я маленький, не до всего могу дотянуться. А ты вон какой высокий, можешь до чего хочешь достать. Вазы стоят, вон какие красивые, на антресолях знаешь сколько ещё вещей осталось! Давай-а! Давай! Весело-же!»

Ну уж нет! Я не поддаюсь на провокацию и захопываю дверь ванной: попался, голубчик! Раз уж мы здесь, заменим воспитательные мероприятия твоим мытьём – посмотрим, как ты тогда запоёшь-взвоешь, когда тебе баню с парилкой устроят – уж очень ты, братец, чумазый! Я хватаю пса за подмышки, сажаю его в ванную, поливаю тёплой водой из душа. Пёс, как ни странно, относится к собственной стирке с пониманием и сопротивляется много меньше, чем мной предполагалось. После мытья шампунем и душа он отряхивается так, что мокрым оказывается не только он сам, но и все окрестности, включая меня. Беру полотенце, чтобы животное вытереть. И явственно слышу:

– Это чересчур. Я ещё могу терпеть, когда меня поливали прозрачной жидкостью, которую вы называете водой. Ладно, потом меня тёрли какой-то пахучей химией, потом снова поливали – это я ещё могу стерпеть. Но вытирать меня этой несвежей тряпкой – это выходит за все рамки. Я требую, чтобы меня уважали!

Я ищу место, куда-бы присесть и не нахожу. В зеркале я вижу себя со стороны – меня можно снимать в фильмах Хичкока: глаза навывкате, волосы дыбом, челюсть отвисла. Чёрт, оказывается, мой пёсик умеет разговаривать!

– И хватит на меня пялиться – что, никогда собак не видел?

Я спятил? Или всё-ещё нетрезв? Это вряд ли. Тогда, если отбросить оба варианта, как несостоятельные, всё что я слышу – происходит именно со мной и прямо сейчас. Я хватаю говорящее чудо природы, волоку на кухню и сажаю в покинутое недавно кресло – похоже, говорящие собаки в нём чувствуют себя наиболее комфортно.

– Ладно, ладно! Главное – не нервничать.

Внимательно изучаю: собака как собака. Четыре ноги, два уха. Два глаза, хвост. Нос чёрный и влажный. Породы болонка. После купания шерстка заметно побелела, а вот ухо так и не отмылось.

– Да обычная собака, ничего особенного, – обобщает пёсик результаты моего же исследования. – А ухо чёрное – оно от природы такое. Сколько не три – такое и останется.

Стоп. Про ухо я ничего не говорил, только подумал. Что же это такое, а?

– Ты что, читаешь мои мысли?

Поверить не могу – я разговариваю с собакой. Мало того – она мне отвечает, даже не дожидаясь того, когда мысль из головы прозвучит вслух. Вот это ничего себе! Судя по тому,

что её пасть при этом почти не открывается, собака общается со мной мысленно. Телепатически. То есть, я произношу слова, но отвечает мне голос, который расположился у меня в голове, ближе к затылку и уходит оттуда он не собирается. Это приятный мужской баритон, он чётко артикулирует каждую фразу, словно в моей голове разместился собеседник, с которым можно общаться, как по телефону. Только номер набирать не нужно – по-своему, это удобно. Очуметь!

– Можешь мне поверить: чтение чужих мыслей не доставляет мне ни малейшего удовольствия, – пёсик сидит напротив меня, он чешет задней лапой своё чёрное ухо и высовывает язык. – Во-первых, мысли большинства людей удручающе примитивны. Если я начну тебе пересказывать даже незначительную часть того, о чем думают двуногие прямоходящие – тебя снова немедленно стошнит: назвать самих себя Homo Sapiens – вершина глупости, самонадеянности и лицемерия. Во-вторых, твои думы меня мало интересуют и мне нет до них никакого дела. Поэтому нам следует договориться.

– О чём?

– О том, как нам общаться – это, в-третьих. Дело в том, что твои мысли многослойны. Они, как бы это тебе проще объяснить, похожи на слоёный торт. Что твой Наполеон под Прейсиш-Эйлау. Внизу – то шоколадное, то бисквитное, сверху крем. Так вот, представь, что я – сладкоежка, меня интересует только крем. Поэтому, чтобы мне попусту

не лазить в твою бисквитно-шоколадную головушку, попробуй разговаривать со мной так, словно ты эти слова произносишь. Ртом. Но вслух, как сейчас, говорить не обязательно. Я буду считать этот верхний уровень и не полезу в дебри подсознательного, чтобы не утонуть там, как ваш старина Зигмунд Фрейд. Так будет проще нам обоим. Договорились?

– Договорились, – думаю я так, словно проговариваю это вслух: мне ничего не остаётся, как согласиться.

Как будто у меня имеется выбор. Ага, и сердечный привет дедушке Фрейду.

Глава 4.

Покажите мне студента, который бы любил экзамены! В этом я тривиален – когда у меня экзамен, я трепещу и волнуюсь: стою перед дверью, как бандар-лог перед удавом. Дверь скрипит и слегка приоткрывается, я слышу шипящий голос: «Ближе... Ещё ближе... Идите ко мне, прогульщики и двоечники!» Я смиренно повинуюсь, а куда деваться? Робко вхожу, и что я вижу? За кафедрой, в кухонном кресле вальяжно сидит болонка, закинув лапку на лапку. В зубах у неё сигара, вместо ошейника – галстук-бабочка. Смотрит в мою зачётку и вполне себе человеческим голосом сообщает:

– Иван – неправильное имя!

Мокрый нос из чёрной кожи тыкается мне в ухо. Я храбро поворачиваюсь лицом к опасности. Два наших носа встречаются – говорящий пёс, перебравшийся из сна в реальность, сидит у моего изголовья, его передние лапы погружены в подушку. Видимо, ему скучно и хочется общения. То, что некоторые в столь раннее время предпочитают поспать подольше, говорящих собак не волнует.

– А какое правильное? – бурчу я сквозь стремительно убегающий сон. Конечно, никакого экзамена нет, до сессии ещё два месяца – можно и дальше балду гонять.

– Как у меня. Оно правильное. Имя должно состоять из трёх частей и титула. Первая его часть – прозвище, данное

на следующее утро после рождения – Пест. По достижении первозрелой сознательности и приобщения к таинству елеопомазания имя становится полным – Пестирим. А частица «-ус» – это гендерная принадлежность. Означает, что я есть муж, а не дама. Кроме того, к имени прилагается титул. Титул даётся за заслуги. Моё полное имя – Пестиримус Светоподобный. Это правильное имя. А вот твоё имя ничего не означает. Потому что неправильное.

– И как будет правильно? – будильник показывает половину шестого, про сладкий сон до половины восьмого можно забыть.

– «Ив» – так тебя должны были именовать после рождения, «Иван» – после конфирмации. А так-как ты, похоже, всё-таки относишься к мужскому полу, то твоё полное имя – Иванус. Титула ты не заслужил.

– Иванус? И ты будешь так меня называть? – вылезать из тёплой кровати мне не хочется, но с неизбежным придётся смириться.

– Нет.

– Почему? – я сажусь, свешиваю ноги с кровати и промахиваюсь мимо тапочек. Пол холодный.

– Полное имя следует заслужить. Поэтому я буду звать тебя Ивус.

Пёсик шлёпается передними лапами об пол, раздаётся цоканье когтей по паркету, и он исчезает в направлении кухни. Видимо, нам тонко намекают, что пора завтракать.

– Чем тебя лучше кормить? Косточками? Фаршем?

Про то, чем будет питаться мой пёсик, я вчера как-то не подумал. Правда, о себе тоже: полторы сардельки и огурец – всё, что имеется в наличии.

Моя утренняя последовательность: душ, газовая плита, чайник, сахарница. Мы сидим за столом, передо мной – чашка с чаем. Пестиримус Светоподобный устроился напротив, усевшись на любимый тётушкин стул, который я за глаза величаю тронem, его мордочка расположилась на скатерти. Его нос с шумом вдыхает воздух:

– Самое лучшее – ничем.

– Но вчера ты же почти все сардельки слопал, причём с явной охотой.

– Не хотелось нарушать правила приличия. Тебе-же было приятно покормить гостя?

– Конечно! – Вообще-то сардельки должны были быть моим, а не собачьим ужином. – Счёл за честь.

Непонятно, улавливает-ли Пестиримус мою иронию. Скорее всего – да, потому что в его ответе сквозит явный сарказм:

– За что большое вам русское merci². На самом деле, я сардельки не ем, у нас другие источники энергии. – Если Пестиримус говорит «нас», это значит, что таких как он, много. Мило. Стоит как-нибудь порасспросить его об этом.

– Для того, чтобы выглядеть, как собака, я могу сделать

² – спасибо (фр.)

вид, что я их съел. Но после этого мне приходится их утилизировать. Спрессовать в брикет, влагу собрать в контейнер. Во время прогулки контейнер следует очистить. Мы когда гулять пойдём?

– Побегать, пописать под деревья?

– Это имитация! Так что можешь остатки своих сарделек убраться обратно – не переводи зря продукты.

Итак, проблема с кормёжкой сама рассосалась. Ладно, пойдём прогуляемся.

Ошейник Пестиримус соглашается надеть, а вот пристегнуть к нему поводок отказывается категорически. В дворе ведёт себя, как заправская собака, шуршит опавшими за ночь листьями, пытается поймать голубя, лает на соседского кота, загнав пудового лентяя Степана на ветку клёна. Ветка согнулась и грозит сломаться.

Пока пёсик резвится, я занят делом – отправляю в мусорный контейнер два здоровенных мешка, их содержимое из пустых бутылок и битой посуды предательски гроыхает на весь двор. Присаживаюсь на лавку, за спиной слышу ритмичное шуршание листьев. Нет, болонка не раздвоилась, это Равиль, наш дворник – из-под капюшона на меня раскосо смотрят глаза-щёлочки, под носом щёткой топорчатся архаичные усики, что делает его похожим на татарский вариант Чаплина. На нём надет всё тот же дождевик до пят, это что-то вроде его постоянной униформы. По случаю солнечного утра дворницкая бляха сверкает, как орден, а капюшон опущен,

на голове шапочка-ушанка с завязками под подбородком.

– Да ты себе собачку завёл. Шустрый, однако! Как кличут?

Со мной случается лёгкий ступор: именовать собаку полным именем, состоящим из трёх частей и титула, мне кажется не очень-то подходяще и сложновато для ушей окружающих. На ум приходит первое попавшееся:

– Дружок.

– Как меня только не называли, – слышится в голове ехидный голос. – А вот чтобы Дружком – впервые.

Посылаю мысленный сигнал про то, что встревать в чужие разговоры – не совсем прилично. Ответа не получаю.

Веник шуршит листвой: сколько я тут живу, лет двенадцать? – всё это время Равиль здесь за дворника. Наверное, он родился одновременно с построенным домом и является его неотъемлемой частью, как фундамент, стены и кровля; дворник-татарин – старинная московская традиция, ещё с прошлого века. У Равиля небольшая квартирка на первом этаже, мы дружим с тех времён, когда я играл в местной песочнице. Иногда он оказывает мне честь и приглашает попить чайку, я захватываю из дома пряники, иногда мы играем в шахматы. Раньше проигрывал я, теперь всё чаще беру реванш, хотя выигрывать у Равиля мне не нравится – его это по-детски расстраивает.

Пёсик, наконец, оставляет кота в покое, подбегает к лавочке и садится напротив. На меня смотрят смышлёные глаза-бусинки, голова набок, язык высунут:

– Как я понимаю, ты хотел меня спросить, дружок. О чём-то важном.

Всё-таки этот негодяй подслушивает мои мысли, – у меня, действительно, имеются вопросы. Ничего не поделаешь, придётся привыкать к политике открытости – всё тайное мигом становится явным.

– Как я понимаю, ты выбрал именно меня, и выбрал не случайно, – я стараюсь думать погромче. – Тебе не кажется, что нам следует объясниться?

– Я рад, что ты всё сам понял. Хорошо. Спрашивай.

– Ты не собака?

– Правильно. Я не собака.

Логично – собаки не разговаривают и не умеют читать чужие мысли.

– Тогда кто?

– Я – существо, которое умеет перемещаться.

– И я умею перемещаться.

– Да, но ты об этом не знаешь. Но ты не безнадёжен. Тебя можно этому научить, Ивус. Ты – один из немногих. Крайне редко встречаемая среди человеческой породы разновидность. Уникум. Я могу стать твоим учителем. Если ты захочешь.

Так, разложим всё по сусекам, как говорит в таких случаях моя тётушка. Я – Иван Емельянов, студент Московского университета, исторический факультет, второй курс. Не далее, как позавчера нежданно-негаданно появляется некое существо, замаскированное под мысленно говорящую соба-

ку, заселяется сначала в месте моего обитания, потом в голове, и оно предлагает мне стать его учеником. Вопрос: чему меня собираются учить?

– Перемещаться, – у меня в голове слышится бархатный баритон Пестиримуса Светоподобного, – перемещаться вдоль времени. Могу тебя этому научить. Хочешь?

Глава 5.

Я лежу в темноте который уже час, тупо уставившись в то место, где теоретически находится потолок, однако теперь даже в его наличии я не уверен. Уснуть не получается. Причина моей бессонницы очевидна – я узнал нечто такое, что радикально поменяло мою школьную картину мироустройства. С Пестиримусом мы общались весь вечер и у меня нет оснований сомневаться в том, что мне рассказали. Если обобщать коротко – мой мир рухнул.

Тот мир, в котором я обитал, такой обжитый и уютный, за один вечер не то, чтобы исчез, но значительно видоизменился. Засверкал новыми гранями. Ивус, дружок, как-бы объяснить тебе попроще: существует не один, а два параллельных и во много похожих мира. Друг от друга они отличаются тем, что время в каждом из них движется в противоположных направлениях. Это как два встречных и местами пересекающихся потока, при этом можно перемещаться вдоль каждого из них. Как? Не знаю, просто умею, и всё. Ты же был маленький? Сначала ревел, не переставая, сосал соску, потом ползал, следом научился ходить. Если тебя спросит, как ты ходишь, ты сумеешь объяснить?

– Ну, я двигаю вперёд одну ногу. Потом вторую – всё просто, – я задумываюсь о процессе собственного прямохождения, и прежняя простота перестаёт казаться такой-уж про-

стой, – Перемещаю вперёд центр тяжести. И, наверное, следует поддерживать равновесие. Да, и смотреть, куда ступаешь. А в том, другом мире – в нём задом наперёд ходят?

– Хорошо, что ты не сороконожка, – в очередном телефонном сообщении, что слышится у меня в голове, сквозит явная ухмылка, – Я задал знакомой сколопендре тот же вопрос. И представь – через неделю она, бедняжка, умерла от голода.

– Почему? – Не то, чтобы трагическая судьба незнакомой мне сороконожки меня сильно волнует, просто любопытно.

– Ходить разучилась.

Наверное, со стороны это выглядит уморительно: на кухне сижу я, зовут меня Ивус-дурак, половину вопросов по-прежнему произношу вслух, а мой собеседник – высокоучёная болонка. Проводит поумнительную беседу со студентом-прогульщиком. На тему: «Век живи – бестолковым помрешь».

– Ладно, ты расскажешь, как всё устроено? Только поподробней.

– Понимаешь, в качестве модели для описания пространства вы используете три измерения: длину, ширину и высоту, то есть в вашем представлении пространство трёхмерно, а потому описывается тремя единичными ортогональными векторами, – сообщает мне пёсик с совершенно серьёзным видом. – К этой примитивной модели вы прибавляете время и считаете себя очень умными. Для вашего мира, который вы

воспринимаете с помощью ваших органов чувств, этого достаточно. Однако настоящий мир устроен сложнее. В нашей системе координат таких измерений пять: дополнительные измерения... попробуем дать названия... глубина и ширина! В такой модели ваше трёхмерное пространство становится частным случаем от нашего, и приобретает новую характеристику – двустороннюю бесконечность. А к времени, до полноты картины, следует добавить гравитацию. Понятно?

– Ага! – я послушно киваю – это единственный способ завершить затянувшийся урок собачьей физики. Откуда у моей болонки в знакомых имеются сороконожки? – Я всё уразумел. Ну, почти...

– Я и так сильно упрощаю, чтобы тебе было понятно. Как это устроено на самом деле, понимают всего семеро, и все они не люди.

Вот и усни после этого!

Включаю свет – потолок на месте. Раз сна у меня – ни в одном глазу, я встаю и иду на кухню. Посуда немыта, ломтики хлеба, забытые на столе, начали сворачиваться в трубочку. Я завариваю для себя очередной кофеиник. Пестиримус, сон которому, как акт бессмысленного храпения с закрытыми глазами, не известен в принципе, тут-же привычно располагается на тётушкином троне, уложив лохматую голову на скатерть. Пофиг, её всё равно стирать.

– Почему я? Это ведь ты меня выбрал, а не наоборот.

Я вспоминаю, при каких обстоятельствах случилось наше знакомство: «Я – бедная скотинка-сиротинка, с утра – ни маковой росинки! Люди добрые, помогите, кто чем может, мелкие купюры не принимаем». Всё-таки Пест – тот ещё манипулятор. Хитрюга.

– Тебе лучше сесть, – я так и делаю, подозревая, что на меня свалится что-то ещё такое, после чего мне не спать неделю. – Молодчина! Твоё отличие от остальных людей в том, что у тебя не одно лицо, а два. Второе лицо позади головы, на затылке. Ты – вроде Двуликого Януса. У квиритов – тех, кого вы почему-то именуєте древними римлянами, имелось такое божество. Один из творцов вашей части мироздания. Мы были знакомы. Неприятный малый.

Господи, твоя воля, только этого мне не хватало! Жуткое существо с одной головой, но двумя лицами, смотрят в разные стороны. В голове всплывает античная скульптура, одно лицо бородатое, второе горбоносое – не внешность, а ночной кошмар! Я хватаюсь рукой за затылок – там вроде всё, как прежде.

– Ты просто не видишь. Это поправимо.

– Зачем мне второе лицо? – Я замечаю, что снова говорю вслух, а не думаю про себя, как о том просили. – Оно точно есть?

– Конечно, поэтому я тебя и выбрал.

– И для чего мне оно?

– Мы не совсем разные. В одном мы похожи: ты, как и

я, можешь передвигаться вдоль времени. Если тебя научить. Оставь часы в покое.

Да, уж! Пусть лучше Земля оказалось-бы плоской. Как известно ещё с древнейших времён, земной диск располагается на спине четырёх слонов, те, в свою очередь, стоят на спине черепахи. А на чём стоит черепаха? Скорее всего, на спине другой черепахи. А так как вселенная бесконечна, то и количество черепах, на которых покоится эта изящная конструкция, тоже стримится к бесконечности.

Как и черепахи, собаки в новой системе мироздания уцелели. Но не совсем: оказывается, что некоторые собаки не совсем собаки, а некие существа, обладающие необычными способностями, главное из которых – умение перемещаться по времени в обоих направлениях. Сардельками они не питаются. По словам Пестиримуса, прежде они обитали в будущем, но по причинам, не совсем понятным, они переместились в прошлое, примерно на двенадцать тысяч лет. Где в настоящее время и обитают. Почему там? В те времена людей на земле почти нет и они не успели там всё изгадить и пока-что добрались только до мамонтов. Люди – это основанная на углероде двуногая форма жизни, имеющее с нынешними обезьянами общего родственника. Хочешь, навестим предка? И правильно, тот ещё неряха. Люди нам не интересны, это примитивные и агрессивные существа, мы предпочитаем держаться от них подальше. Впрочем, встречаются приятные исключения. Почему двенадцать тысяч лет – при-

мерно? Точной протяжённости времени не существует, ваше измерение времени в годах и секундах условно, ибо время напрямую связано с ширше-глубиной и величиной гравитации-времени, а она в разных частях вселенной разная. Поэтому галактическое время сильно отличается от московского, нет, часы переводить не обязательно.

– А будущее? Я могу в него попасть?

– Нет. Ты можешь переместиться в прошлое, а затем вернуться в исходную временную точку. Но перепрыгнуть дальше ты не можешь – тебе, как и мне, нельзя попасть в то время, которое не наступило.

– То есть дальше сегодняшнего дня одного часа двенадцать минут ночи мне путь закрыт? А тебе?

– Для тебя – закрыт. Для меня – нет, потому что я появился в будущем.

– Но я могу переместиться в любую точку прошлого?

Кто изобрёл колесо и бутерброд? Почему вымерли динозавры? Существовала ли Атлантида или это история, придуманная Платоном ради забавы? Когда, как и на кой чёрт строились египетские пирамиды? Кто придумал карточную игру в дурака? Как на самом деле выглядели семь античных чудес света? Какому богу поклонялись строители Стоунхенджа? Как выглядели Шекспир, Малюта Скуратов и Сервантес? Ваше фото, пожалуйста – смотрите сюда, сейчас вылетит птичка! От возможностей голова идёт кругом!

Меня ждёт разочарование.

– Вряд-ли. Понимаешь, время устроено сложнее. Это что-то вроде двух огромных нор, которые рыла бригада сумасшедших кроликов. При этом никакого проекта, даже более или менее осмысленного плана у них не было. Впрочем, и самих кроликов – тоже. Эти норы – сложная система тоннелей с массой ответвлений, иногда пересекающихся. Внутри нор дует гравитационный ветер, это два встречных потока. Из нор имеются выходы, но далеко не везде. Есть и тупики.

– То есть, если я начну передвигаться самостоятельно, то скорее всего заблужусь и потеряюсь?

– Наверняка. Поэтому, когда мы начнём путешествовать, лучше не отставать. А то угодишь во временную спираль. Ищи тебя потом.

– Как это?

– В тупик. Только это не совсем тупик, он спиралевидный. Каждый день будет копией предыдущего. Встаёшь, идёшь на постыльную работу, на которой изо дня в день одно и тоже. Потом идёшь домой. Там ужин, жена, телевизор, дети канючат. Папа – дай! Папа – купи! Он первый начал! Утром встаёшь – всё по новой. И так изо дня в день, ничего не меняется – допускается лишь небольшие отличия, но это просто следующий виток спирали. Именно эти отличия – самый верный признак того, что ты вляпался во временной тупик.

– И как из такого тупика выбраться?

– Следует предпринять что-нибудь радикальное – это ломает временной континуум. Выключить телевизор. Сменить

работу. Уехать. Или сесть и подумать.

– Ну, знаешь-ли... – отвечаю я, – Сесть и подумать – это самое сложное.

Глава 6.

– Вот не самое это удачное место для встреч, – кажется, я опять разговариваю вслух, а не про себя. – Особенно когда стемнело...

Надеюсь, я не выгляжу городским сумасшедшим, вроде тех, что, разгуливая по городу, разговаривают сами с собой: «Как здоровье? Как жена?» «Спасибо, сбежала». Будем считать, что молодой человек выгуливает пёсика и иногда с ним беседует – при одинаковом уровне интеллекта двум одиноким душам всегда есть о чём пообщаться.

– Место выбирал не я, – ворчит Пестиримус.

Похоже, он недоволен не меньше меня – погода снова портиться, на асфальте появляются первые пятна дождевых капель, а из-за порывистого ветра мой зонт низкорослую собачку не спасает. С Лубянской площади мы сворачиваем влево и спускаемся к реке по Китайгородскому проезду. Ресторан «У хромой собаки», возможно из-за исторического названия, позиционирует себя как единственное место в Москве, куда можно прийти с псом: особый уход за вашим любимцем, мы накормим его не хуже вас. Поэтому цены там соответствующие.

– Прийти туда вместе с собакой, конечно, можно, – отвечаю я. – Но так никто не делает.

– А мы сделаем. Никогда не был в этом ресторане.

Очередная новость Пестиримус – посетитель элитных ресторанов, мот и прожигатель жизни.

Место, где нам назначена встреча, находится в Зарядье. Это самый центр Москвы, однако до сего дня это настоящие трущобы, соваться туда в уже наступившие сумерки – искать приключения на самое мягкое место в анатомии человеческого организма. Кварталы между Варваркой и Москворецкой набережной всегда считались далеко не самым дружелюбным районом: юные его обитатели обычно заняты тем, что задирают гуляющих по Красной площади или по мелочи обчищают посетителей как Верхних, так и Нижних торговых рядов, хотя предпочтение отдаётся иностранцам – обычно у тех крадут их пухлые портмоне или дорогие фотокамеры. Поймать эту шпану невозможно: чуть-что – ретируются в старинные подвалы Зарядья, те соединяются друг с другом в настоящий лабиринт, куда полиция туда носа не кажет.

– И с кем мы встречаемся? – Чем сильнее дождь, тем выше моя любознательность. – С человеком или собакой?

– Неважно. Какая разница?

Мы двигаемся вдоль Китайгородской стены, огибаем бочкообразную угловую башню и оказываемся на набережной. Неоновая вывеска «У хромой собаки» видна издали, вся парковка заполнена дорогими автомобилями. Минуем арку Проломных ворот, у входа в ресторацию нас неожиданно встречает небольшая очередь – не смотря на всё усиливающийся дождь, никто не уходит. Однако нас уже ждут – сначала

ла мне машет рукой вышибала у входа, потом, уже в вестибюле, гардеробщик кличет полового, который берёт на себя роль поводыря.

– Зачем нам с кем-то встречаться? – я не завсегдатай дорогих злачных заведений, а мой первый опыт дегустации спиртного из памяти и желудка не до конца выветрился. – Да ещё в таком месте.

– Объясню. Человек, с которым мы свидимся, когда-то сталкивался с весьма схожей проблемой и ему есть что подсказать. И тебе, и мне будет от того польза. Кроме того, он мой старинный знакомый и мне будет приятно его увидеть.

Тот, с кем мы встречаемся – не собака. И на том спасибо.

Крутая лестница ведёт на второй этаж, я беру пёсика на руки – на мою болонку никто не обращает внимания. В прошлом веке этой забегаловкой владел выходец из Германии, поэтому интерьер заведения стилизован под старинную немецкую пивную: тот являет собой эклектичную мешанину нюрнбергского с нижегородским, символизирующим представление московского люмпена о германской загранице. Меня и мою собачку проводят к столику в углу, отсюда виден весь небольшой зал. Там нас уже ждут – за столом, сгорбившись, одиноко сидит тот, кто нас пригласил в столь странное место. Сам он выглядит не менее странно: сначала я принимаю его за монаха, вероятно, из-за одежды. Наряд не совсем тот, в котором посещают элитные рестораны – на нём что-то вроде рясы, на голову накинута капюшон, из-под

которого седым веником торчит борода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.